

УДК 7.033; 72.04; 726
ББК 85.113
DOI: 10.51678/2073-316X-2025-2-116-141

Андрей Баталов

Надвратная церковь Благовещения Пресвятой Богородицы суздальского Покровского монастыря и строительство в обители середины XVI столетия

В статье исследуется формирование ансамбля суздальского Покровского монастыря в середине XVI столетия. Кроме сохранившегося трапезного комплекса начала 1550-х годов, в конце 1540-х были выстроены Святые ворота с храмом Благовещения. Вопреки выдвигавшимся гипотезам, он был разобран между 1597 и 1628–1630 годами. Его сменила церковь с тремя престолами, чья двухпридельная композиция и декор не могли возникнуть ранее конца XVI столетия. При этом есть основания рассматривать эту постройку в контексте строительства начала царствования Михаила Федоровича, оперировавшего формами годуновского периода.

Ключевые слова:

суздальский Покровский монастырь,
надвратные церкви, зодчество середины XVI века,
«эпоха Бориса Годунова»,
строительство начала царства Михаила Федоровича.

Надвратные церкви русских монастырей являлись важнейшим компонентом ансамбля, часто, если речь не шла о его полной перестройке, завершающим его формирование. В Москве и центральных уездах их возведение складывается в традицию в XVI столетии, как полагает Вл. В. Седов, под влиянием Великого Новгорода [46, с. 574].

Первые сведения об их строительстве относятся ко времени Василия III. Эти надвратные церкви немногочисленны и известны только по письменным источникам (церковь Сергия с приделом Василия Парийского Троице-Сергиева монастыря, 1513), и в лучшем случае по данным архитектурной археологии (церковь неизвестного посвящения Саввино-Сторожевского монастыря, 1521)¹. На протяжении долгого времени к этому периоду относили и существующую надвратную церковь Благовещения суздальского Покровского монастыря², что было впоследствии опровергнуто [5, с. 311–313; 45, с. 60; 52]. В действительности же нет ни одной уцелевшей надвратной церкви первой трети XVI столетия.

Первые сохранившиеся надвратные храмы относятся к царствованию Ивана IV, но и они немногочисленны — это церкви Николая Чудотворца Троицкого Белопесоцкого (до 1578) [36, стлб. 1516; 34, с. 264–265], Николая Чудотворца Псково-Печерского (1564) [28, с. 73–75; 43,

- 1 Раскопки в Саввино-Сторожевском монастыре в 1955–1957 годах открыли, как полагали археологи, надвратный храм, соединенный с трапезной [57]. Церковь датируется 1521 годом по грамоте дмитровского князя Юрия Ивановича [57, с. 306]. Н. С. Шелепина предположила, что церковь была посвящена преподобному Сергию [57, с. 306–307]. Однако, как справедливо отметил Д. А. Седов, никаких сведений об этом не существует [47, с. 107]. Также нет данных о том, был ли у этой церкви придел.
- 2 На изучение построек суздальского Покровского монастыря наиболее существенное влияние оказала известная благодаря труду Анании Федорова точная датировка собора Покрова Богородицы, основанного в 1510-м и освященного в 1513 году [55, с. 228, 230]. Она была распространена не только на церковь «под колоколы» во имя Происхождения древ честного Креста Господня, но и на Святые ворота с надвратной церковью Благовещения [54, с. 209]. Их традиционно относили к началу столетия, датируя иногда «не позднее 1515 года» [14, с. 140], 1518 годом [13, с. 15; 15, с. 206], или до 1518 года [16, с. 5].

с. 217–219, 251, табл. LXXIX], Иоанна Лествичника Кирилло-Белозерского монастырей (1572) [37, с. 210–216] и единственная сохранившаяся надвратная церковь в системе крепостных укреплений — Нерукотворного образа Спасителя Казанской крепости (между 1556 и 1566–1568) [43, с. 184–186]. О других известно только по писцовым книгам Казани³.

Значительно больше построек сохранилось от конца XVI века: церкви Происхождения древ Честнаго Креста Господня Симонова (1591–1593, разобрана в 1930-е) [3], Преображения Господня на Водяных воротах Кирилло-Белозерского (1595) [39], Вознесения Господня Успенского Тихвинского (1591–1593 [22, с. 63, 208] или 1598 [12, с. 224]), Феодота Анкирского серпуховского Владычного (1599) [5, с. 78–80 и др.], Феодора Стратилата Спасо-Прилуцкого (1590) [37, с. 220–223], Преображения Господня Можайского Лужецкого (1598–1605) [5, с. 100–101, 125–127 и др.], Благовещения Соловецкого монастырей (1601) [42, с. 63–64]. Церковь Федора Стратилата с приделом вмч. Ирины Троицкого Ипатьевского монастыря (1596–1597) известна по записям в расходных книгах и изображению из Книги избрания на Царство царя Михаила Федоровича [33, с. 11; 5, с. 27, 50, 136]⁴, а надвратная церковь Можайской крепости во имя Святителя Николая с приделом Воздвижения Креста Господня, освященная в 1601 году, — по описаниям современников и Росписи крепости 1624–1626 годов [5, с. 99–100]. К концу XVI столетия, вероятно, относились известные только по письменным источникам церкви Благовещения с приделом Иоанна Лествичника Спасо-Евфимиева монастыря⁵ и, как полагают некоторые исследователи, Святителя Николая Астраханского кремля⁶.

3 «Да на городе на каменной стене, на Спасских на больших воротах церковь каменная Спаса нерукотворенного» [48, с. 19]. Также надвратной была каменная Воскресенская церковь на Воскресенских воротах: «На других каменных Воскресенских воротах церковь каменная Воскресение Христово» [48, с. 20]. Деревянные церкви, давшие названия другим воротам, деревянным в момент составления Писцовой книги, стояли рядом с ними: «В Городеже у Збойловых ворот, что ныне Дмитриевские ворота, церковь Дмитрия Солунского» [48, с. 21], «Внутри города у Тюменских ворот, что ныне Сергиевские ворота, церковь Сергия чудотворца» [48, с. 23].

4 «На святыхъ воротахъ въ церкви Феодора Стратилата Дѣисусъ на золоте, въ немъ 9 образовъ; надъ Дѣисусомъ праздни, 20 образовъ на золоте; двери царские и сѣнь и столбцы на золоте, а на них написано 16 образовъ» [24, с. 40]

5 Впервые храм упомянут в описи 1628–1630 годов с приделом Иоанна Лествичника: «ворота святые каменные на воротехъ церковь Благовещение пресвятые Богородицы да пределъ Ивана писателя лествицы» [17, с. 66]. Этот престол находился до конца XVI столетия в трапезном храме, который был полностью перестроен Диомидом Черемисиновым, посвятившим главный престол Успению Богородицы, а придел во имя

При полном отсутствии сохранившихся построек первой половины — середины XVI столетия открытие каждого надвратного храма, воздвигнутого в тот «неизвестный» для нас период, может заполнить образовавшуюся лакуну в развитии типологии. В этой связи интерес вызывает история изучения церкви Благовещения суздальского Покровского монастыря, которую в самое недавнее время Т. П. Тимофеева датировала 1553 годом, что сделало ее самым ранним сохранившимся храмом царствования Ивана IV [52]. При этом Святые ворота исследовательница отнесла ко времени Василия III. Она также поставила вопрос о принадлежности к строительству времени Ивана IV и каменных двухэтажных галерей Покровского собора [52, с. 47]. До этого памятником середины XVI века в Покровском монастыре считали только трапезную с храмом Зачатия св. Анны [7].

Мы не ставим перед собой задачу создания общего очерка истории надвратных храмов в монастырях и крепостях XVI столетия, поскольку работы В. П. Выголова [16] и Вл. В. Седова [46] уже представили максимально широкую картину строительства подобных сооружений, определили семантическую основу и раскрыли связь их бытования в Киевской и Владимиро-Суздальской Руси с традицией Византийского мира. Мы ограничиваем цель нашей статьи проблемами датировки церкви Благовещения с приделами Святой Троицы и Архангела Михаила на Святых воротах суздальского Покровского монастыря. Это имеет значение для изучения феномена многопридельного надвратного храма, определения хронологических границ его появления в архитектуре XVI столетия и состава построек в монастыре, относившихся ко времени Ивана IV.

Ранее мы уже обращались к датировке Благовещенской церкви, которая была исключена нами из круга построек времени Василия III и отнесена к периоду между 1597 и 1630-ми годами [5, с. 311–313]. Нас тогда

своего патронального святого — мученика Диомиды (см. историографию: [5, с. 76]). Соответственно, в это же время престол Иоанна Лествичника могли перенести в построенный, вероятно, тогда же надвратный храм Благовещения Богородицы [5, с. 77].

6 Мнение основано на работе протоиерея Н. Т. Каменского, отнесшего ее предположительно к периоду строительства Астраханского крепости конца 1580-х — начала 1590-х годов [23, с. 139–140], поскольку в отписке стрелецкого головы 1614 года упомянуты Никольские ворота («...а служилые б люди все с оружием шли к Никольским воротам к Волге на берег» [1, с. 16]). Таким образом, церковь, по его мнению, надвратная, давшая название воротам, должна была уже существовать. В 1728 году она была сломана [21, с. 34–35].

интересовал только существующий храм, а не его предшественник. Точкой отсчета стало подробное описание церкви и ее убранства в описи монастыря 1597 года. На основании сопоставления Описи 1597 года [30, с. 54–55] и Писцовой книги Суздаля 1628–1630 годов [17, с. 73]⁷, мы ранее пришли к выводу, что храм был полностью перестроен в период между составлением этих документов [5, с. 311–313]. Мы допустили также, что перестройка была связана со строительными работами в монастыре в царствование царя Михаила Федоровича, поскольку архитектурный облик ворот и церкви не противоречил особенностям архитектуры того времени [5, с. 313]. К нашему мнению присоединился Вл. В. Седов, при этом сузивший датировку храма, назвав его «провинциальным памятником годуновского зодчества» [45, с. 60].

Значение статьи Т. П. Тимофеевой в том, что она впервые обратила особое внимание на церковь середины XVI столетия. Она не только предположила, что дошедшая до нас церковь Благовещения является постройкой 1553 года, но и указала, что церковь могла с самого начала иметь Троицкий придел⁸, а затем, в 1610-е годы, получить придел Архангела Михаила. Автор выстроила и последовательность в храмо-строительстве в обители середины столетия: в 1551 году в соответствии с известной жалованной грамотой начали строить трапезный комплекс с церковью Зачатия Праведной Анны, и затем, используя приготовленную для нее известь, воздвигли на уже существующих Святых воротах кирпичную надвратную церковь Благовещения Пресвятой Богородицы [52, с. 47].

Обратимся сначала к вопросу о времени строительства первого каменного надвратного храма в Покровском монастыре. Вернемся к документам, позволяющим судить о его датировке, поскольку одна из грамот выпала из поля зрения исследовательницы.

Именно эта, первая по времени составления (15 ноября 1549), грамота говорит о сооружении силами монастыря монастырской ограда и какой-то каменной церкви, в связи с чем грамота освобождала монастырь от присылки посошных людей для участия во втором казанском походе:

7 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 462. Л. 320 об.

8 «Скорее всего, поначалу храм 1553 г. имел один придел в юго-восточном углу галереи, а северо-восточный угол оставался свободным, с прямой стеной, и придел не получил апсиды ради симметрии» [52, с. 47].

Велено вам по нашим грамотам [наряжати на на]шу службу х Казани посошных людей с у[е]зд[а и з го]р[о]д[а] с сох[у] по человеку по конному. И нынеча нам била челом из Суздаля Покровского монастыря игуменья Василиса с сестрами, а сказала, что они своими крестьяны ставят в монастыр[е] к[ам]е[н]ную це[р]ковь да около монастыря огороднь, да и грамота наша жалованная у них есть, что им с своих монастырских сел и з деревень посошных людей не давати... [2, с. 43, № 26].

При чтении этой грамоты возникает вопрос: о каком храме идет речь? Ответ на него дают грамоты 1551 и 1553 года. Грамота 6 ноября 1551 года говорила о начале строительства каменной трапезной, а конкретнее — о привозе камня для изготовления извести. В ней четко указано, что камень возят для трапезной:

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси в Володимир тиуном нашим... Присылала к нам бити челом из Суздаля Покровского монастыря игуменья Василиса с сестрами о том, что деи делают они в Покровском монастыре трапезу камени, а возят деи к той трапезе камень на известь из Володимирского уезда из Мошку. И как деи поедут их крестьяне по камень на Мошок и с Мошку с каменем назад в монастырь Покровской... [2, с. 56, № 34].

Учитывая, что в 1549 году уже шел процесс возведения неизвестной нам пока каменной церкви, эти строительные предприятия никак между собой не связаны. Наше предположение подтверждает третья грамота 24 ноября 1553 года о даровании руги священнику, на которую опирается Т. П. Тимофеева:

Се яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, пожаловал есми Покрова Пречистые девича монастыря, что в Суздале, игуменью Василису с сестрами. Что оне мне били челом, поставили ново церковь Благовещенье над вороты, а служит у тое церкви поп Юрьи. И мне бы их пожаловати, велети благовещеньскому попу [Ю]р[ью], или по нем иной поп хто у той церкви будет да[вати денги] и хлеб по тому ж, как идет денги и хлеб [тем] поп[ам]... [2, с. 58, № 37].

Эта грамота позволяет узнать, что до 1553 года было завершено строительство надвратной церкви, которая к тому времени была

освящена и к ней был определен свой священник, который уже совершал в ней богослужение. Сопоставляя данные всех трех грамот, можно убедиться, что каменная церковь с неизвестным посвящением, которую возводили в 1549 году, и есть надвратный храм Благовещения Пресвятой Богородицы. Становится понятным, почему ограду монастыря одновременно сооружали с каменной церковью, а вероятно, и со Святыми воротами. Хотя о них в грамоте не говорится, но они по умолчанию входили в общую структуру здания. Строить Святые ворота с храмом начали до 1549 года, когда возникла опасность отправки монастырских людей в Казань. Завершить его должны были до 1551 года, когда началась подготовка к строительству трапезной. Поэтому распространенная в литературе датировка 1553 годом некорректна, так как это лишь год получения ружной грамоты для священника церкви, в которой, как ясно сказано в документе, уже совершались богослужения.

Что же в действительности нам известно об облике церкви Благовещения, построенной около 1549 года? Единственным источником, как уже говорилось выше, является Писцовая книга 1597 года, и, судя по ее тексту, в надвратной церкви не было придельных престолов: «Да на воротех црковь Блговещение прчтые Бцы каменаж» [30, с. 1]. В монастыре того времени придел был только у собора Покрова Богородицы. Это придел Василия Парийского, и его иконы с облачениями престола подробно описаны [30, с. 49–50]. В церкви Благовещения столь же скрупулезно, как при описании других храмов, перечислены все иконы с их прикладами, богослужебные сосуды, облачения престолов и облачения [30, с. 54–55]. Если бы у храма был придел Святой Троицы или какой-то еще, он был бы упомянут.

Первое описание храма с приделами содержится в Писцовой книге 1628–1630 годов: «да на Святых воротех церковь Благовещенье пречистые Богородицы, да в пределе собор архангила Михаила да Живоначальные троицы церкви каменья» [17, с. 73] или «да на святых воротех церковь благовещение пречистые богородицы да в пределе собор архангела Михаила да живональные троицы церкви каменные холодна»⁹. (Ил. 1.)

Что же касается времени появления придела Архангела Михаила, то Т. П. Трофимова указала на освящение Благовещенской церкви в 1615 году тцанием княгини Елены Петровны Скопиной-Шуйской. Исследовательница считала, что освящение было связано как раз с устройством княгиней придела во имя Архангела Михаила в память

о своем сыне князе Михаиле Васильевиче [52, с. 47]. Однако в документе об освящении фигурирует только храм Благовещение Пресвятой Богородицы:

В пречестную и великую обитель Покрова Пречистые Богородицы девицы монастыря государыне игумене Олге да келарю Солонику¹⁰ княж Василева княгини Федоровича Олена челом бьет. Пожалуйте доля тако мне писати о своем здорове как вас Бог сохраняет а про меня государыня похотете ведать и яз в своих великих кручинах и скорбях одва чут жива¹¹. И с невескою марта в 17 день да писала¹² ко мне что вам стало убытков на освящении Благовещения Пречистые Богородицы полшеста рубля и мне бы то вам поднати¹³.

Здесь надо вспомнить сведение Н. Н. Ушакова об антиминсе, найденном в начале XX века на престоле в приделе Святой Троицы, освященном епископом Суздальским и Тарусским Герасимом при игуменье Ольге, что позволяло установить время освящения между 1612 и 1615 годом [54, с. 210–211], так как архиепископ Герасим возглавлял епархию с 1612 по 1615 год [49, с. 656]. Однако относился ли этот антиминс к приделу во имя Святой Троицы или к престолу храма Благовещения, остается неизвестным. Не исключено, что он был памятником освящения Благовещенской церкви, о котором говорилось в письме Е. П. Скопиной-Шуйской. Как сообщает Т. П. Тимофеева, в 1930 году А. Д. Варганов обнаружил в ризнице Покровского монастыря антиминсы Благовещенской церкви 1622 и 1652 годов. В связи с чем храм снова освящался через семь лет после 1615 года, неизвестно.

Т. П. Тимофеева первой указала на документ, указывающий на покрытие храма новой кровлей в 1631 году. Прочтение полностью документа показывает, что речь шла о ремонте кровель на всех зданиях монастыря:

9 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 462. Л. 320 об. Существует и другая редакция «да на святых воротех церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы, да в приделе Собор Архангела Михаила; церкви каменная» [35, с. 10].

10 Так в документе.

11 Чтение слова предположительное.

12 Далее лист оборван и примерно 8 букв не читаются.

13 ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 58. Л. 23.

Лета 7139-го году апреля в 4 день роспись лесу тесу и брусу и доскам и скалами бревнам что пошло в Покровской девичь монастырь на церковное строение на соборной храм на Покров Святые Богородицы с пределы на главы и на паперти и на закомары да на теплои храм Акима и Анны на главу на паперти и на Происхождение Честнаго Креста что под колоколы на главу и на закомары и на переходы от Покрова Святые Богородицы к Происхождению и на Благовещенье Святые Богородицы с приделы на три главы и на закомары и на паперти и на службы на поварну на крышки. Тесу изошло пят тысяч восемь сот шесть тесниц да скал две тысячи шесть сот девят скал и да на решетины бревен на жолобы и на переклады триста четыре бревна. Да бруся на кружала и по папертем кладены девяносто четыре бруса. Да на дуги досок сто шездесят четыре доски. Да старых горелых гвоздеи двоетесных и отнотесных изошло по храмом четырнатцеть пуд десет гривенок¹⁴.

О том, что эти работы были связаны с ремонтом после пожара 1630 года, Т.П. Тимофеева и М.И. Давыдов пишут и в статье в Православной энциклопедии [18, с. 10, 17]. Однако ни в статье Тимофеевой, ни в энциклопедической публикации ссылок на источник, сообщающий о пожаре, нет. Упоминание о горелых гвоздях указывает именно на пожар в монастыре, в связи с чем и были произведены все работы.

Писцовая книга и процитированный документ говорят о том, что между 1597 и 1628–1630 годами на Святых воротах вместо однопрестольного храма появилась церковь с двумя приделами, которая, как и другие постройки обители, обгорела во время пожара, произошедшего, видимо, после составления Писцовой книги. Таким образом, источники не поддерживают версию о строительстве в середине столетия надвратной церкви с приделом Святой Троицы и о пристройке к ней в 1615 году придела Архангела Михаила. (Ил. 2.)

Посмотрим теперь, насколько предложенная датировка «1553 год» соответствует облику существующего храма и Святых ворот. Итак, предполагается, что Святые ворота, церковь над ними и ее приделы принадлежат к разным историческим периодам.

¹⁴ ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 95. Л. 15.

1. Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы суздальского Покровского монастыря
Вид с юго-востока

2. Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы суздальского Покровского монастыря
Вид с севера

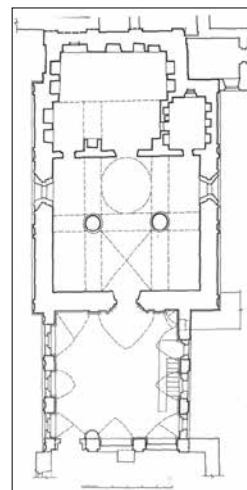
Во-первых, нет никаких исторических сведений о сооружении кирпичных ворот в начале XVI века, во-вторых, такая реконструкция строительной истории противоречит облику дошедшей до нас церкви. Все компоненты — основной объем церкви, паперти, приделы и Святые ворота — представляют целостное сооружение. Выяснить, были ли полностью разобраны Святые ворота конца 1540-х годов при новом строительстве невозможно без картограммы кладок.

Зададимся вопросом, когда типология храма с приделами, выделенными в отдельные объемы, включает и надвратные церкви. Наиболее ранний пример сооружения с одним приделом представляет упомянутая в летописях и монастырском летописце церковь преподобного Сергия с приделом святого Василия Парийского в Троице-Сергиевом монастыре 1513 года [53, с. 217]. Она не дошла до нашего времени. Ее

изображение можно увидеть на образе «Обитель преподобного Сергия» середины XVII века, дошедшем в списках XIX века. Несмотря на условность, все сооружения монастыря достаточно узнаваемы. Характерно, что в отличие от Троицкого собора с приделом преподобного Никона, надвратный храм изображен без придела Василия Парийского. В Описи Троице-Сергиева монастыря 1641–1642 годов «глава и крест обито немецким железом» [32, с. 436] упоминаются только над храмом преподобного Сергия. Судя по тексту придел Василия Парийского занимал место в алтаре [32, с. 440]. Вероятно, его пространственная структура была подобна известной надвратной церкви Иоанна Лествичника с приделом Феодора Стратилата на Святых воротах Кирилло-Белозерского монастыря (1572) [31, с. 112]. Здесь придел помещался на месте дьяконника. (Ил. 3–4.) Вероятно, также был устроен и придел преподобномученицы Евдокии в дьяконнике церкви Иоанна Лествичника [26, с. 276] на Задних воротах Чудова монастыря (1556), изображенной на миниатюре Лицевого Летописного свода [27, с. 359]. (Ил. 5.)

Строительство надвратных церквей с приделом в виде отдельного церковного сооружения становится заметным явлением в конце XVI столетия, когда под влиянием многопридельных композиций грозненского времени храмы с двумя или одним приделом, выделенными в самостоятельные объемы, приобретают широкое распространение (церкви Троицы в Хорошове, Троицы в Больших Вяземах, Преображения в Спас-Михневе, Троицы в Троицком-Лобанове, собор Болдино-Дорогубужского монастыря и др.). В этот период строятся в Ипатьевском монастыре надвратная церковь Феодора Стратилата с приделом Ирины Мученицы [33, с. 10]¹⁵ (ил. 6), в Успенском Тихвинском — церковь Вознесения Господня с приделом Феодора Стратилата (ил. 7), в Можайской крепости — церковь Николая Чудотворца с приделом Воздвижения Господня. Заметим, что подобные постройки конца столетия с выделенным

15 Вероятно, придел св. великомуч. Ирины был вынесен в отдельный объем, примыкающий к храму Феодора Стратилата. О пространственной структуре храма с приделом может свидетельствовать миниатюра из Книги избрания на царство царя Михаила Феодоровича. Святые врата с надвратной церковью изображены с большей степенью конкретности. Над проездной аркой, закрытой деревянными полотнищами ворот, помещен образ Спаса Нерукотворного. Над воротами — значительной величины объем с двумя высокими «закомарами» с парными окнами. Так мастер изображает одновременно и сами четверики, и их завершения. Над каждой «закомарой» изограф поставил барабан с луковичной главкой, тем самым обозначив двухчастную структуру надвратной церкви Великомученицы Ирины с приделом Феодора Стратилата.

3. Церковь Иоанна Лествичника с приделом Феодора Стратилата Кирилло-Белозерского монастыря. 1572
План [29, рис. XXVI]

4. Церковь Иоанна Лествичника с приделом Феодора Стратилата Кирилло-Белозерского монастыря. 1572
Вид с юга

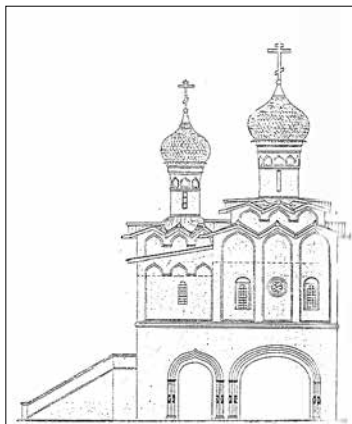
5. Церковь Иоанна Лествичника с приделом муч. Евдокии Чудова монастыря. 1556
Миниатюра из кн.: Лицевой летописный свод XVI века [27, с. 359]

в отдельный объем приделом изображались на иконах и на книжных миниатюрах соответствующим образом (например, церковь Вознесения с приделом Феодора Стратилата Успенского Тихвинского монастыря и церковь Феодора Стратилата с приделом Ирины Великомученицы Ипатьевского монастыря).

Появление храма с двумя приделами над Святыми воротами суздальского Покровского монастыря в какой-то степени является результатом широкого распространения в годуновский период церквей с двумя симметричными приделами, имевших своих предшественников в 1560-е годы (церковь Преображения в Острове). В конце столетия появляются и надвратные храмы с двумя приделами, но они занимают место боковых апсид. И они, возможно, имеют своего предшественника — Сретенский собор на дворе царевичей 1560-х годов с приделами преп. Никиты Переяславского и святителя Николая Чудотворца,

6. Церковь Феодора Стратилата с приделом великомученицы Ирины Троицкого Ипатьевского монастыря 1596–1597. Миниатюра из кн.: Книга об избрании на превысочайший престол великого Российского царства великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всея Великия России самодержца. 1672 ГММК, Кн-201. Л. 26 об.–27

7. Церковь Вознесения Господня Большого Успенского Тихвинского монастыря. 1591–1593 Реконструкция О. В. Боровицкой [12, с. 252, рис. 7а]

находившимися на месте жертвенника и дьяконника [9, с. 66]. (Ил. 8.) Единственный известный нам подобный прецедент конца XVI века — это церковь Преображения Господня с приделами Ирины Мученицы и Николая Чудотворца [31, с. 110–111] над Водяными воротами Кирилло-Белозерского монастыря (1595). Однако присутствие приделов здесь никак не выражено. Над угловыми восточными компартиментами четверика поставлены две глухие главы, вероятно отмечающие присутствие приделов [39, с. 68–69]. (Ил. 9.) В этом отношении храм сохраняет преемственность с предшествующей по времени постройке церковью Иоанна Лествичника. В конце XVI века это не единственный пример расположения приделов на месте не только дьяконника, но и традиционного места жертвенника. Наиболее близким предшественником церкви Благовещения следует назвать церковь Смоленской иконы Божией Матери в Кушалине с приделами святых Варлаама Хутынского и Димитрия Солунского в боковых апсидах (1592). Отличие от надврат-

8. Сретенский собор на дворе царевичей Около 1560 Миниатюра из кн.: Книга об избрании на превысочайший престол... 1672 ГММК, Кн-201. Л. 43 об.–44

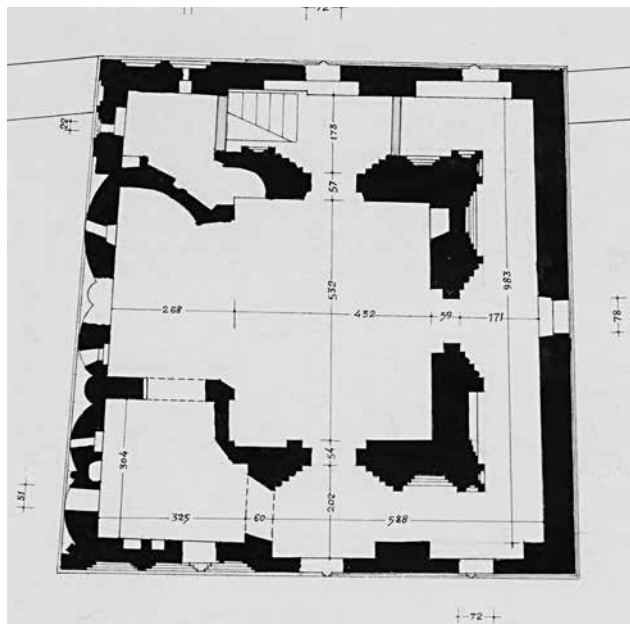
9. Церковь Преображения Господня с приделами Ирины Мученицы и Святителя Николая 1595 Вид с северо-востока

10. Церковь Смоленской иконы Божией Матери в Кушалине. 1592 Реконструкция Б. Л. Альтшуллера [5, рис. 21]

ной церкви Преображения Господня Кирилло-Белозерского монастыря в том, что под влиянием наиболее распространенной в тот период композиционной схемы двухпридельных храмов над сводами апсид были поставлены ложные четверики с кокошниками, над которыми возвышались на небольших постаментах глухие барабаны [56]. (Ил. 10.)

В церкви Благовещения на Святых воротах суздальского Покровского монастыря мы видим усложнение известной в конце столетия типологии надвратного храма с выделенным в отдельный объем приделом. При этом решение проблемы объемного выделения двух приделов в общей композиции аналогично осуществленному в церкви Смоленской иконы Богоматери в Кушалине: их объемы не выделены в общей структуре, но они получили ложные четверики с кокошниками, служащие, по сути, постаментами световых барабанов. Появление над вратами суздальского Покровского монастыря двухпридельного храма органично для эпохи Бориса Годунова.

11. Церковь Благовещения
Пресвятой Богородицы суздальского
Покровского монастыря
План. Обмер А. Д. Варганова. 1948
ГНИМА, РВ-4236

Что же касается справедливо отмеченных Т. П. Тимофеевой аномалий в планиметрии приделов [52, с. 48], то замеченное отклонение от геометрически правильной планиметрии связано с необходимостью разместить на площадке Святых ворот три храма — Благовещения, Святой Троицы и Архангела Михаила. (Ил. 11.) Не исключено, что границы объема Святых врат были определены предшествующим сооружением конца 1540-х годов.

Заметим также, что трактовка алтарной части характерна именно для конца XVI столетия. Все четыре апсиды, из которых две относятся к северному приделу, обладают цельностью, они имеют в плане достаточно плоскостной рисунок и трактованы как единый объем, расчлененный экседрами. Такая слитность апсид приделов и основного объема характерна для годуновского времени.

Датирующими элементами является декорация стен Святых ворот и четверика храма, парапета, стен паперти и приделов. Основной темой в декоративном оформлении стенных поверхностей являются филенки. Они заполняют прясла стен четверика под сводами паперти, и их ряды декорируют стены приделов. Такой принцип членения поверхности не мог появиться ранее 1560-х годов. Под влиянием собора Покрова на Рву прием расчленения поверхности стены крупномасштабными филенками получает распространение в архитектуре церквей царских усадеб и резиденций: приделы Благовещенского собора (1563–1566), церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове (1560–1570-е) [6], постройки Александровой слободы (1550–1570-е) [4; 38; 8]. Значительно большее распространение такая декорация стен получила в архитектуре времени Федора Иоанновича и Бориса Годунова (филенки в пряслах стен — например, соборы Пафнутьево-Боровского, серпуховского Владычного монастырей, церкви Борисова городка, Николы Явленного на Арбате).

Характерны для строительства второй половины — конца XVI столетия и парапеты галереи с квадратными филенками — «ширинками». Эта декоративная деталь хорошо известна в постройках, созданных по царскому заказу в середине 1550-х — 1560-х годах (парапеты галерей собора Покрова на Рву, постамент барабана центрального столпа церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове, цокольный ярус приделов Благовещенского собора) и также в сооружениях конца столетия (например, парапеты гульбища звонницы в Больших Вязёмах, парапеты галереи второго яруса церкви Троицы в Больших Вязёмах и др.). Наиболее близкие примеры декорации рядами филенок конца столетия — звонница Большого Тихвинского монастыря (1600) [11, с. VI–VII]. На фасадах суздальской церкви Благовещения структурирующую роль играют ряды поребрика, членящие фасады по высоте. Ряд поребрика заменяет цоколь надвратного храма, их двойные ряды отмечают высоту проездной арки и ее пят.

Весь арсенал декоративных деталей более характерен для круга построек, созданных по царскому заказу во второй половине века и особенно для конца XVI века, когда он получает практически повсеместное распространение.

Церковь Благовещения значительно отличается по составу и трактовке архитектурного декора от немногочисленных суздальских построек конца XVI века. Церковь Успения Богородицы с приделом муч. Диомида

при трапезной Спасо-Евфимиева монастыря возводится в конце столетия на средства Диомиды Черемисинова [5, с. 76–77]. Это шатровый храм с выделенным в отдельный объем приделом, что соответствует общим тенденциям в архитектуре того времени. Апсида граненая, и грани декорированы нишами (на уровне подклета с килевидными завершениями). Вся структура этого скромного декора отличается системностью. Другой храм, трехглавый собор Ризоположенского монастыря (1583–1584)¹⁶, построен, как справедливо полагает Вл. В. Седов, новгородскими мастерами [44, с. 192–195]. Несмотря на все различия в источниках архитектурных форм, в этом соборе есть элементы, которые находят некоторые общие черты в церкви Благовещения. Так, в ее интерьере обращает на себя внимание прямоугольный световой проем, прорезающий поверхность свода. Над ним возвышается прямоугольный постамент, переход от которого к барабану осуществляется слабо выраженными парусами. Этот прием очень напоминает устройство светового барабана собора суздальского Ризоположенского монастыря. Также трактовка алтарной части этого собора с полуколонками, разделяющими апсиды, объединенные с ними карнизом, находит некоторые параллели в Благовещенской церкви. В целом же она не обнаруживает с ними общих черт, которые бы позволили говорить о какой-то общности, сложившейся в Суздале в конце столетия. На особенности композиции фасадов ее четверика и барабана, сохранившихся до начала реставрационных работ, оказал влияние собор суздальского Покровского монастыря. Это проявилось и в отсутствии карнизов, отсекающих кокошники от прясел стен, и в упрощенных «балясинах» в завершении барабана.

Поскольку период между Описью монастыря 1597 года и Писцовой книгой 1628–1630 годов охватывает не только годуновский период, но и Смутное время и начало царствования Михаила Федоровича, когда возобновилось храмостроительство в русских городах и монастырях, зададим вопрос о том, насколько возможна перестройка храма в первой трети XVII века.

Архитектура того времени отличается реминисцентными чертами. Одна из первых сохранившихся построек нового царствования — цер-

16 Он был построен, как полагал Вл. В. Седов, между 1570 и 1586 годом [44, с. 194–195], что в целом подтвердилось Н. В. Беловым, открывшим и опубликовавшим текст Краткого суздальского летописца о закладке этого собора в 1583 и освящении в 1584 году [10, с. 217].

ковь Покрова в Рубцове (между 1619 и 1626; ил. 12) [50; 51] — воспроизводит узнаваемую объемно-пространственную композицию бесстолпного одноглавого храма с двумя симметричными приделами, а также завершение объема рядами фронтально поставленных кокошников, крещатый свод со ступенчатыми сводиками распалубки, указывающими на конкретные образцы Годуновской эпохи, прежде всего на усадебную церковь Бориса Годунова Святой Троицы в селе Хорошово. Повторяются и узнаваемые элементы Годуновской эпохи, как, например, «катушечный» пояс в цоколе, происходивший первоначально из собора Покрова на Рву, но затем повторенный в его приделе Василия Блаженного (1588) и в церкви Троицы в Вязёмах. Эта деталь становится распространенной в строительстве конца 1610-х — 1620-х годов: церкви Николы Надеина в Ярославле (1620–1621) [51, с. 49, прим. 11], Входа Господня в Иерусалим ярославского Спасского монастыря (1617–1619) [19], Введения Богородицы на Святых воротах ярославского Спасского монастыря (1620–1621) [41]. Характерный мотив филенок также находит применение в декорации построек того времени: церковь Николы Надеина, Святые ворота с надвратным храмом Введения Пресвятой Богородицы во храм в Спасском монастыре Ярославля (ил. 13), Покрова в Рубцове (филенки на лопатках галерей). Менее характерно для того периода размещение филенок на плоскости стен четверика. В церкви Благовещения филенки покрывают стены четверика только до уровня пят сводов галерей. (Ил. 14.) В ее облике вообще присутствует избыточная насыщенность декоративными элементами. Нарушение тектоники в их распределении не характерно для архитектуры второй половины — конца XVI столетия. Сравним, например, декорацию Святых ворот Лужецкого монастыря, имеющих относительно твердую датировку временем царства Бориса Годунова. Мы видим вытянутые на всю высоту пилона, до уровня пяты свода проездной арки, тонко профилированные филенки. На пилонках Святых ворот Покровского монастыря помещены одна над другой прямоугольные, но короткие филенки, а выше них вся поверхность превращается в декоративное поле. На сохранившихся участках стен Святых ворот ярославского Спасского монастыря сохранились сдвоенные филенки, подобные тем, которые располагаются на стенах четверика южного придела церкви Благовещения.

О возможности перестройки церкви при Михаиле Федоровиче говорит не только таинственный Антиминс 1622 года, но и история восстановления крепостей и монастырей после разорения Смутного

12. Церковь Покрова в Рубцове
1619–1626. Вид с юга
Фото Ю. В. Тарабариной

времени. Так, в первые десятилетия нового царства происходит перестройка каменной ограды и Святых ворот с храмом ярославского Спасского монастыря [20, с. 66–67; 41], а также проездных ворот с надвратной церковью Можайской крепости [40, с. 99–119]. Начинается в конце 1610-х годов и обетное строительство. Однако в архитектуре церкви Благовещения мы не находим тех узнаваемых черт (прежде всего «катушечного» пояса в цоколе, характерного для московских и ярославских храмов начала царства Михаила Федоровича), которые могли бы однозначно решить вопрос в пользу датировки церкви Благовещения временем царя Михаила Федоровича.

Подведем некоторые итоги. Как и во многих русских монастырях, в Покровском монастыре середина столетия отмечена интенсивной строительной деятельностью. Роль монастыря как царского богомолия отразилась в том, что в этот период был воздвигнут не только трапезный комплекс, что характерно для монастырского строительства того времени (Спасо-Прилуцкий, Спас-Каменный, Возмицкий Богородицкий,

13. Святые ворота
ярославского Спасского
монастыря. 1620–1621
Фото Ю. В. Тарабариной

14. Церковь Благовещения Пресвятой
Богородицы суздальского Покровского
монастыря
Вид на стены четверика из галереи

Медведева пустынь и др.), но и кирпичная надвратная церковь, что было значительно более редким явлением в то время. Что же касается суждения о строительстве в тот же период второго яруса галереи Покровского собора, то оно не может быть принято. Предположение Вл. В. Седова о влиянии на облик соборной церкви Покровского монастыря московского Благовещенского собора имеет право на дальнейшее существование в науке. Как показали исследования последних лет, галереи второго яруса Благовещенского собора имели открытую аркаду с круглыми столбами, капители которых повторяли капители московского Успенского собора. Эта галерея датирована временем строительства третьего Благовещенского собора, т. е. 1484–1489 годами. Позже, во время частичной перестройки собора, связанной со строительством великокняжеского дворца (1499 — около 1508), были сооружены новые порталы (северный и западный), а также изменен вид столбов второго яруса галереи — пилоны, декорированные филенками, получили четыре фланкирующие полуколонны, капители которых составляют с импостом

пилона единое целое [25]. Эту структуру опор аркады повторили столбы крытых галерей суздальского Покровского собора (1510–1513).

Храмостроительство времени Иоанна IV в суздальском Покровском монастыре следует пока ограничивать только теми сооружениями, возведение которых нашло отражение в монастырских актах. Жалованные грамоты хорошо документируют последовательность строительства монастыря: в конце 1540-х годов было осуществлено строительство монастырской ограды со Святыми воротами и храмом Благовещения, а затем в 1551 году началось сооружение трапезной с церковью Зачатия праведной Анны. Таким образом монастырский ансамбль окончательно сформировался в середине XVI столетия.

Благовещенская церковь рубежа 1540–1550-х годов была перестроена после 1597 года. Были ли сохранены при этом Святые ворота середины XVI века неизвестно.

Дошедшая до нас церковь Благовещения связана с храмом конца 1540-х годов только посвящением своего главного алтаря. Их отделяет друг от друга, прежде всего, общее объемно-пространственное построение. Объем одноглавого храма без приделов сменил сложный по планировке храм с двумя приделами, соответствующий тем композиционным принципам, которые сложились в русской архитектуре во второй половине XVI века. Они повсеместно распространились в конце столетия и повлияли на трансформацию пространственной структуры надвратного храма. Композиция фасадов, арсенал приемов архитектурной декорации, которыми оперировали мастера, создавшие дошедшее до нас сооружение также сложились в конце XVI столетия. Они стали основой архитектурного языка первых десятилетий царства Михаила Федоровича. То, как они интерпретируются в церкви Благовещения, без характерной для Годуновской эпохи системности и рафинированности, «неуверенность» в планиметрии не позволяют отрицать возможность ее перестройки в конце 1610-х — 1620-е годы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акты исторические. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1841. Т. III.
2. Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI — начала XVII века / Сост. А. В. Антонов, А. В. Маштафаров. М.: Фонд «Связь Эпох», 2019.
3. Баталов А. Л. Четыре памятника архитектуры конца XVI века // Архитектурное наследство. 1984. № 32. С. 47–53.
4. Баталов А. Л. Особенности итальянизмов в московском каменном зодчестве рубежа XVI–XVII вв. // Архитектурное наследство. 1986. № 34. С. 238–245.
5. Баталов А. Л. Московское каменное зодчество конца XVI века. Проблемы художественного мышления эпохи. М.: Мейкер, 1996.
6. Баталов А. Л. К вопросу о датировке церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи в с. Дьяково // Русская художественная культура XV–XVI вв. Материалы и исследования ГММК. М., 1999. Вып. XII. С. 220–239.
7. Баталов А. Л. Литвины польской короны на службе московского царя. К постановке проблемы // Пинакотекa. 2005. № 20–21. С. 190–193.
8. Баталов А. Л. Памятники Александровского слободы в контексте развития русской архитектуры XVI века // Зубовские чтения. Владимир, 2005. Вып. III. С. 29–41.
9. Баталов А. Л. Реалистическое и условное в изображении архитектурного стаффажа в Книге об избрании // Книга об избрании на превысочайший престол великого Российского царства великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всея Великия России самодержца. Из собрания Музеев Московского Кремля. Исследования. Комментарии. Текст / Отв. ред. А. Л. Баталов, И. А. Воротникова. М., Арткитчен, 2012. С. 56–71.
10. Белов Н. В. О датах закладки и освящения суздальского Ризоположенского собора XVI в. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН, 2024. Вып. 14. С. 213–219.
11. Берединых Я. И. Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого Большого мужского монастыря, состоящего в Новгородской епархии в г. Тихвине. Новгород, 1905 (обл. 1906).

12. Боровицкая О. В. Святые ворота с церковью Вознесения Успенского монастыря в Тихвине // Новгородские древности. Вып. V / Архив архитектуры. Вып. XI. М.: Общество историков архитектуры, 2000. С. 223–255.
13. Вагнер Г. К. Суздаль. М.: Искусство, 1969.
14. Варганов А. Д. Суздаль. Очерки по истории и архитектуре. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1971.
15. Воронин Н. Н. Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польский. Спутник по городам Владимирской земли. М.: Искусство, 1974.
16. Выголов В. П. Надвратные храмы древней Руси (проблемы эволюции и происхождения) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Столица и провинция. М.: Наука, 1992. С. 3–36.
17. Город Суздаль в 7136–7138 (1628–1630) гг. Список с Писцовой книги гор. Суздаля. Владимир на Клязьме: Владимирская ученая архивная комис., 1905.
18. Давыдов М. И., Тимофеева Т. П. Суздальский в честь Покрова Пресвятой Богородицы женский монастырь // ПЭ. Т. LXVII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2022. С. 8–30.
19. Добровольская Э. Д. Входоиерусалимская церковь ярославского Спасского монастыря // Памятники культуры. Исследование и реставрация. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1963. Вып. 4. С. 19–43;
20. Добровольская Э. Д. Оборонительные сооружения Спасского монастыря // Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры и живописи Ярославской области. Сб. статей сотрудников Ярославской реставрационной мастерской / Под общ. ред. В. И. Сафронова; подготовлен под ред. В. В. Косточкина в 1960 г. Ярославль: Ремдер, 2010. Вып. 2. С. 61–95.
21. Каменский Н. Т., *прот.* Астраханский Троицкий собор, Кирилловская часовня и Никольская церковь на Кремлевских воротах. История их и современное состояние. Астрахань: Губернская тип., 1880.
22. Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской / Предисл., комм. Е. В. Крушельницой. СПб.: Русская Симфония, 2004.
23. Косточкин В. В. Государев мастер Федор Конь. М.: Наука, 1964.
24. Переписные книги костромского Ипатьевского монастыря 1595 года. Сообщ. М. И. Соколов. М.: Унив. тип., 1890.
25. Крашенинникова Т. И. Благовещенский собор Московского Кремля: итоги реставрации 2006–2010 годов. М.: Гос. ист.-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2011.

26. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1904 [репринт: М.: Языки русской культуры, 2000]. Т. XIII (1).
27. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 22. 1553–1557 гг. М.: ООО «Фирма АКТЕОН», 2010.
28. Малков Ю. Г. Новые материалы к истории архитектурного ансамбля Псково-Печерского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. М.: Стройиздат, 1982. Вып. II. С. 65–81.
29. Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). СПб.: Синодальная тип., 1897. Т. I. Вып. 1: Об основании и строениях монастыря.
30. Опись Покровского женского монастыря в г. Суздале 7105/1597 г. // Георгиевский В. Т. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М.: Главнаука, 1927. Приложение. С. 1–57.
31. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. Комментированное издание / Сост. З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998.
32. Опись Троице-Сергиева монастыря 1641/42 года. Исследование и публикация текста / Изд. подг. Л. А. Кириченко, С. В. Николаева. М.: Индрик, 2020.
33. Островский П., *прот.* Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома: В тип. Андроникова, 1870.
34. Памятники архитектуры Московской области. В 2 т. / Авт. кол. под рук. Б. Л. Альтшуллера. М.: Искусство, 1975. Т. II.
35. Писцовая книга г. Суздаля 7136–1628 и 7137–1629 г., письма и меры Михаила Трусова, да подъячего Федора Витовтова, Челобитье суздальцев посадских людей Ивана Мамина, Андрея Шмакова и Ивана Грязнова Меньшого о не выборе их в земские службы по достройки церкви и колокольни в Суздальском Ризположенском девичьем монастыре 7197/1688 г. ноября 25 [и др. архивные документы по истории города Суздаля в XVII–XVIII вв. Приб. к «Владим. губ. вед.», неоф. ч., 1900 г. Без тит. л. и обл. Владимир, 1900].
36. Писцовые книги Московского государства. Писцовые книги XVI века / Под ред Н. В. Калачова. СПб.: Изд. Имп. Русского географического общества, 1877. Отд. II.
37. Подъяпольский С. С. Каменное зодчество Белозерья в конце XV и XVI вв. Дис. ... канд. арх-ры. М., 1969.

38. Подъяпольский С. С. О датировке памятников Александровой Слободы // Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. Художественная культура Москвы и Подмосковья XIV — начала XX веков. Т. 2. М., 2002. С. 161–184.

39. Подъяпольский С. С. Церковь Преображения Кирилло-Белозерского монастыря. Исследования. Предложения по реставрации // Подъяпольский С. С. Историко-архитектурные исследования. Статьи и материалы / Сост. Е. Н. Подъяпольская. М.: Индрик, 2006. С. 59–77.

40. Роспись городу (крепости) Можайску 1624–26 г. // Дионисий, архим. Можайские акты. 1506–1775. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1892. С. 99–119.

41. Рузаева Е. И., Яганов А. В. О датировке Святых ворот Ярославского Спасского монастыря // Вспомогательные исторические дисциплины. 2025. Т. XLIV. Вып. 1. С. 9–30.

42. Савицкая О. Д. Некоторые черты северного зодчества на примере памятников Соловецкого монастыря // Архитектурное наследство. 1973. № 21. С. 60–68.

43. Седов Вл. В. Псковская архитектура XVI века / Архив архитектуры. Вып. VIII. М.: Изд. Об-ва историков архитектуры, 1996.

44. Седов Вл. В. Собор Ризоположенского монастыря в Суздале // Новгородские древности. Вып. V / Архив архитектуры. Вып. XI. М.: Общество историков архитектуры, 2000. С. 184–207.

45. Седов Вл. В. Введение // Свод памятников архитектуры и монументального искусства. Владимирская область / Отв. ред. Вл. В. Седов. Ч. 1. М.: Наука, 2004. С. 9–147.

46. Седов Вл. В. Новый Иерусалим в надвратных храмах Византии и Древней Руси // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М.: Индрик, 2009. С. 544–584.

47. Седов Д. А. Саввин Сторожевский в честь Рождества Пресвятой Богородицы Ставропигиальный мужской монастырь // ПЭ. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2021. Т. LXI. Савватий-Сведенборг. С. 91–121.

48. Список с Писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г. / Подг. К. И. Невоструевым. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1877.

49. Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб.: Изд. Археографической комис., 1877.

50. Тарабарина Ю. В. Победа над королевичем Владиславом 1 октября 1618 г. и мемориальное храмостроительство 1620-х гг. // Сакральная

топография средневекового города / Известия Института христианской культуры средневековья. Т. 1. М.: Изд. ИХКС, 1998. С. 100–108.

51. Тарабарина Ю. В. Церковь Покрова в Рубцове. Реминисценции годуновской архитектуры в раннем зодчестве времени царя Михаила Федоровича // Архитектурное наследство. 2003. Вып. 45. С. 42–49.

52. Тимофеева Т. П. Надвратная Благовещенская церковь и другие памятники Покровского монастыря Суздаля времени Ивана IV // Суздальский сборник за 2022 год. Сб. научных статей. Владимир: Транзит-ИКС, 2022. С. 43–54.

53. Типографская летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 24.

54. Ушаков Н. Н. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Историко-археологическое описание всех городов Владимирской губернии / Сост. действительный член Владимирской ученой архивной комиссии Н. Н. Ушаков. Владимир: Губернская типография, 1913.

55. Федоров А. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2012.

56. Чижов С. С. Памятник шатровой архитектуры конца XVI века // Ежегодник музея архитектуры. Вып. 1 [1936] / Под ред. А. И. Некрасова. М.: Изд-во ВАА, 1937. С. 149–164.

57. Шелепина Н. С. Археологическое изучение памятников архитектуры начала XVI в. в Саввино-Сторожевском монастыре // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 303–309.